

Глава 1

Огромная флотилия ушкуев* выплыла из-за излучины Вятки. Впереди открылась панорама города Хлынова**, стоящего на невысоком холме в окружении бревчатого тына, изрядно уже подгнившего.

На переднем ушкуе стояли два воина в холщовых рубахах. Ветер охлаждал их тела, а глаза жадно всматривались вдаль. Люди уже бежали к причалам, махали руками, орала и вскоре заполонила весь берег реки.

— Встречают, — кивнул статный крепкий мужик, кивая на город. — Заждались!

— А как же, Прокопий, — ответил спокойно сосед. — Долгонько мы в походе были.

— Определим неделю гульбищ, а там посмотрим.

— Что-то задумал? — вопросительно глянул товарищ на Прокопия. В глазах вспыхнули искорки лукавства. — Поведал бы, а?

— Не время, Онуфрий, — отмахнулся Прокопий. — Голова всё ещё гудит, будь она неладна! Вот поправлюсь, тогда и поговорим. — И тронул замызганную

* *Ушкуй* — морское или речное парусно-гребное судно, напоминающее драккар викингов. Ушкуйники — участники торгово-разбойничьих экспедиций.

** *Хлынов* — первое название г. Вятки, ныне г. Киров.

повязку на голове. — Пусть народ утихнет после воплей и плача.

— И то верно, атаман, — согласился Онуфрий, что выполнял должность помощника атамана. — Вон Ефим не дотянул до дома. Вчерась отдал Богу душу. Жаль! Отменный воин был. Когда ещё такого дождёмся. — Онуфрий тяжело вздохнул, перекрестился и глянул на небо. Потом перевёл глаза на гребцов. Те поспешали и гребли во всю силу, спеша встретиться с родными.

Передовой ушкой разворачивался, принаравливаясь пристать к причалу. На дощатом помосте уже встречали родные и вопили, размахивая радостно руками. Подводы грохотали по помосту, пылили по дороге, торопясь принять награбленное.

— Вон и колокола затрестили, — усмехнулся Прокопий. — Попы уже прикинули, что им перепадёт... — Прокопий скривил губы и огладил рыжеватую бороду.

— Да Бог с ними, — примирительно отозвался Онуфрий. — Так повелось исстари.

— Дармоеды! — пробурчал Прокопий себе в бороду, а Онуфрий не стал спорить.

Гвалт, вопли и причитания слились в сплошной рёв толпы. Он заглушал перезвон колоколов двух церквей, а от них уже степенно спускались темной массой попы, дьяконы и прочие мелкие служки. В руках несли хоругви и икону Божьей Матери, надеясь этим сдобрить утрату многим вдовам.

Прокопий сделал ряд поручений Онуфрию, сам вышел на берег, обнял жену и трёх детей, старшему из которых, Глебу, шёл уже пятнадцатый год. Распорядился, обращаясь к сыну:

— На этом ушке треть всего — наша. Смотри, не проворонь чего. К вечеру успевай всё перевезти на двор. Где Втор? Он должен помочь тебе.

— Едет следом, отец, — блеснул юноша глазами. — Да вон он подъезжает! — Повернулся назад и замахал рукой, торопя ключника.

— Фёкла, что там дома? — обернулся Прокопий к жене.

— Да все хорошо, наш благодетель! А у тебя что это с головой? Небось, рана? Надо сменить твою повязку, да побыстрее, как бы худа не было.

— Замолкни! Не на людях же. Пошли домой. Васька, бери узел, тащи следом.

Мальчишка лет двенадцати недовольно шмыгнул носом, схватил тяжёлый узел и заспешил за родителями. Аннушка шла рядом, стараясь помочь брату.

— Отстань! — огрызнулся оскорблённый Васька и, тяжело дыша, продолжал идти.

— А тятка нам привёз подарки? — не унималась девочка. Ей было лет десять, но в её голове уже вертелись мысли о женихе и красивых подарках, чтобы покрасоваться перед подружками и стрельнуть глазами поверх них на смазливового Прошку.

— У меня всё есть, а тебе всего мало, егоза! Вот отдадут тебя замуж, тогда будут у тебя всякие побрякушки и прикрасы.

— Разве тебе не хотелось бы получить подарок?

— Разве что кинжал с красивой ручкой, — все же отозвался Васька и замолчал.

Дома Фёкла суетилась, угождая супругу.

— Прокопушка, тебе сразу обед или прежде баньку посетишь?

— Банька подождёт, а с обедом поторопись. Нарочно ждал, когда пристанем.

Вся семья в молчании, совершив короткую молитву, чинно уплетала праздничный обед. Никто не смел спросить подробности похода, и лишь выхлебав миску киселя, Прокопий тронул повязку на голове и изрёк:

— Поход оказался вполне удачным. Правда, наших мужичков посекали изрядно. Да мы всё одно захватили и Ярославль, и Кострому. Костромской воевода Плещей оказался zelo трусливым. Нам удалось прогнать его и нагрузить наши ушкуи так, что боялись зачерпнуть воду. Обошлось. Глеб привезёт воз, тогда сами посмотрите.

— Прокопушка, дай я повязку тебе сменю на чистую, — взмолилась жена, просительно глядя мужу в глаза. — Я осторожно, больно не будет.

— Идем в баню, там и сделаешь! — недовольно буркнул супруг и тяжело поднялся, словно старик.

В баньке Прокопий грубо овладел женой, и та с благодарностью целовала ему руки, обхлёстывала пахучим венником и старательно мыла тело. Она была уже лет под сорок, телом дородная, но лицо оставалось моложавым. Коса светлая, тяжёлая, но без седины. Лишь брови резко выделялись темными дугами над голубыми глазами.

К обеду следующего дня обширную избу Прокопия посетил Онуфрий. От него уже не несло грязным потным телом и заскорузлой одеждой, был расчёсан и свеж лицом.

— Здоров будь, Прокопий, атаман-посадник! — поклонился Онуфрий хозяину и его жене. Детишки юркнули за дверь, боясь рассердить отца.

— И тебе не хворать, Онуфрий. Не ждал так рано. Что, уже отдохнули?

— Долго ли нам с энтим, Прокопий? — Глаза помощника выражали острое желание поговорить, узнать мыслишки атамана. — Скучно дома-то. Ничего интересного не случилось за те месяцы, что мы шастали по городкам. Пообедал уже?

— Уже, — коротко бросил Прокопий и кивнул на лавку, предлагая сесть. — Чего тебе неймётся? Мог бы и обождать денёк. Ладно, что уж, дела так дела...

— О них и хотел поговорить, — тихо отозвался Онуфрий. — Полтыщи вдов у нас.

— А чего ты хотел? — вдруг озлился Прокопий. — Война! Как без убитых? Спаси, Господи! — Атаман исто-во перекрестился. — А что у тебя про энто?

— Надо б им помощь оказать, Прокопий. За общее дело пострадали.

— Так и будет. Но больше месяца траур нечего держать. У нас баб мало, а мужики тоскуют без них. Так и скажи всем. Пусть оплакивают, но через месяц всем ожениться. И детишкам вольготнее быть при отце, хоть и приёмном.

— Не маловато месяца-то будет? — усомнился Онуфрий.

— Хватит! Нечего зря слезы лить, когда детей у нас мало, а рожать баб нет! И хватит об этом! Есть дела поважнее траурных воплей.

— Ты о пленных переселенцах? И о них стоит с тобой решить. Куда их?

— Пусть сами решат, кто с кем согласен жить. Их у нас больше двух сотен. Выделить землю к северу от города, но поблизости. Пусть обустраиваются, пока тепло. Выдели им муки, семян на огородину и поля. Рожь прежде всего. И пусть не проедают всё. Инструмент, кому мало будет. И пусть строятся. Деревни три, а там видно будет. По семьям решать треба.

— Хорошо бы по коню каждой семье, а? Как без тягла-то им?

— Обязательно. Табуны пригнали уже?

— На подходе, Прокопий. Завтра ожидаем. А с телегами что?

— У них что, рук нет? Пусть сами ладят себе, как могут. Кузнецы пусть работают для них бесплатно до весны. Без железа им не обойтись. И налог до осени с них не брать. Обойдёмся. Немного можем закупить по сёлам у мордвы и татар.

— Как снег ляжет, так и отправим обозы, — согласился Онуфрий.

Фёкла поставила на стол жбан медовухи, закуски, хлеб и пироги. В молчании, перекрестив снедь, уплетали чёрную икру, варёную осетрину, грибы и кашу из пшена, сдобренную мясом вчера зарезанного кабана.

Отвалившись к стене, Прокопий заметил, оглянувшись:

— Ты, Онуфрий, вникай во все дела тутошние. Стёпка уже стар для такого, а ты помоложе меня будешь. Так что присматривайся.

— А ты что ж, Прокопий? — встрепенулся Онуфрий и подался вперёд, ожидая продолжения начатого разговора.

— Вот одужаю малость, соберу вас на совет. Будем решать, а пока лишь скажу, что задумал я пощипать болгар на Волге.

— Болгар, на Волге? Каким макарон? — Онуфрий огладил бороду, внимательно смотря в тёмные глаза атамана.

— Поперва возьмём дань с Казани. Давно они нам не платили, пора напомнить. А то вовсе обнаглеют. Допустить такого никак нельзя.

— Не рано ли? — с сомнением качнул головой Онуфрий. — Только что вернулись с такого похода. Подождать бы до весны.

— Наоборот, Онуфрий! Им известно, что мы вернулись с трудного похода. Значит, не ждут нас к себе. Ударим неожиданно. Да и у них сейчас дела не так уж хороши. Мамайка с них немалую дань требовал. Вот и нам можно будет поживиться.

— И когда ты тот поход намечаешь?

— Больше месяца ждать нет смысла. К осени будем идти. Потому уже сейчас ты будешь заниматься делом — запасай оружие, людей набирай. Тыщ пять требуется

собрать. Судов много потребуется. Завтра уже начинай строить хотя бы десяток.

— Успеется ли, Прокопий? Народа много побило у нас.

— Найдёшь! Пошли гонцов по деревням. Пусть через месяц собираются в Хлынове.

Онуфрий с сомнением качнул головой, пожал плечами.

— Ты не договорил, Прокопий. Что-то у тебя ещё имеется. Или пока тайна?

— Так, Онуфрий. Лучше повременить с такими вещами. Иначе все разболтают, а нам потом несдобровать. Кумекаешь?

* * *

Восемь атаманов разместились за грубым столом на лавках. Все знали, что атаман-посадник хочет им предложить продуманный план похода по Волге на татар. Никто не переговаривался, ожидая речи главаря города и войска.

— Вроде бы все, — обвёл глазами собравшихся Прокопий. — Можно начинать.

Он замолчал, обводя взглядом угрюмых мужиков.

— Я тут, мои разбойнички, надумал знатный поход. Я вам его поведаю, а вы решайте.

— Не рановато ли, Прокопий? — подал голос пожилой мужик с окладистой бородой.

— В самый раз, ребятки. Мамайка занят с Тохтамышем. Ещё у него точится зуб на Димитрия Московского. Так что ему не до такой мелочи, как мы. И в Сарае у него сидит хан не хан, однако воин слабый.

— Мамайт-Салтан? — спросил один из атаманов. — Или кто другой есть? В Орде сейчас что ни год, то новый хан. Один Мамай никак не успокоится и все под себя гребёт.

— Ты прав, Федька, — ответил Прокопий. — Ханы в Орде меняются скоро. То нам на руку. Сильный хан нам ни к чему. Так вот я и надумал идти на Сарай. Там ханово войско малое, и справиться с ним не составит труда.

— Откуда вести, Прокопий?

— Пока мы шастали на Кострому, я послал соглядатая туда, в Сарай. Вернулся он дней за десять до нас. Вот так, ребятки. Стало быть, нас ждёт знатный поход на Казань. То будет для отвлечения. И чтоб никому! Даже жинке! Ясно? — повысил голос Прокопий, обвёл глазами собрание. — Что скажете на моё предложение? Говорите открыто, без боязни. На вече я бы не хотел это выставлять. Опасно. Обязательно объявится предатель и донесёт хотя бы до Казани. А там уж и Сарай не за горами, по Волге.

Атаманы переглянулись, а Фёдор заметил:

— Ясное дело, атаман-посадник. Да сумеем ли мы собрать достаточное войско? С малым на татарина не пойдёшь. Сколько тыщ намерен поставить под свою руку? Думаю, что меньше шести-семи тыщ нет смысла. А где их взять?

— Обойдёмся пятью, — тут же ответил Прокопий. — Мы и Кострому взяли, имея в три раза меньше войска. И монголов так же можно застать враспloch. Энтю и решит всё дело в нашу пользу.

— Когда рассчитываешь выступить? — спросил Старый Бобёр, атаман с седыми отвисшими усами.

— Как ушкуи закончат строить. Онуфрий уже начал. Значит, через месяц, не позже. К середине осени можно надеяться на возвращение. И добычу можно захватить знатную, о которой никто и думать не смеет.

— Стало быть, атаман, надо тут же начинать сбор войска.

— Онуфрий уже разослал гонцов по деревням. И вы сами готовьтесь, и людей своих готовьте. Дело скорое, стоит поторопиться.

Атаманы надолго призадумались. Разошлись, лишь когда солнце закатилось за зубчатую кромку близкого леса. А в избе Прокопия остался лишь Фёдор.

— Федька, ты мне будешь в помочь. — Прокопий остро глянул в лицо атамана. — Я ещё не совсем здоров. А тебе надоть обеспечить наш будущий караван провиантом. Мы, конечно, возьмём от Казани немного, но и сами должны позаботиться о харчах. С собой стоит взять десяток или даже больше коней. В степи они нам могут сильно пригодиться. Будут сопровождать нас по берегу. И разведывать путь впереди. Кумекаешь?

— А как же, Прокопий. Однако лучше коней взять в Казани. Проще. А до неё у нас не должно ничего страшного произойти. Казанцы сейчас присмирели, Мамай их обобрал. Тот темник наверняка задумал очень что-то серьёзное. Да и князь Димитрий может нагряться к нам в отместку за набег на его города.

— Уверен, что этого не случится, Федя. Великий князь сам сидит и ждёт, когда можно уже броситься собирать собственную рать. Рязанский-то князь тоже не дремлет. Постоянно козни плетёт против Димитрия. А везде голод, разруха от набегов монголов. Одна Тверь чего стоит Димитрию. Ихний Мишка только и смотрит на Орду, как бы Великое княжение заполучить от хана или Мамаю.

— Здорово говоришь, Прокопка, — нагло посмотрел атаману в глаза Фёдор. — А не боишься прогадать? Дело-то трудное и опасное.

— Не опаснее всех остальных, — как бы не замечая наглости, ответил атаман-посадник. — А время как раз самое подходящее. И медлить просто глупо.

— Заманчиво, конечно. А у меня сомнения. Но коль все поддержали тебя, то и мне деваться некуда. Будем готовиться на Казань. — Фёдор усмехнулся в усы.

— Не вздумай юлить, Федька, — пригрозил Прокопий, зная за ним такой грешок. — Обязательно

исповедайся у отца Феодосия. Он тебя наставит на путь истинный.

— Как иначе, атаман? Идём на такое праведное дело, как монголы, и не исповедаться? То не по-божески, атаман!

* * *

А в городе Хлынове, как атаманы ни старались, слухи поползли уже через несколько дней. Люди шептались о предстоящем большом походе на полдень. Имели в виду, конечно, Казань, но додуматься до остального тоже могли.

Зато Онуфрий стал рассылать вокруг города разъезды — ловить любителей побегать к врагам с предупреждением. И такие нашлись.

— Глебка! — зловецим шёпотом говорил брату Васька. — Завтра на площади будут казнить предателя! Поймали недавно.

— Посмотрим, — несколько оживился Глеб. — А кого поймали? Нашего или черемиса*? Или какого другого?

— Вроде черемиса, а там кто его знает. Они все похожи. — И Васька умчался собирать новые сплетни. Мальчишки шныряли всюду и часто узнавали всё первыми.

Народ помаленьку стал прибывать в город. Их распределяли по атаманам, давали оружие и приступали к обучению, хотя многие и так умели обращаться и с саблей, и с топором, и с копьём. С луком дела обстояли хуже, но охотников здесь хватало. Зимами почти все ходили в леса бить зверя. Мясо нужно всем.

Онуфрий каждую неделю посещал атамана-посадника и докладывал о строительстве лодок-ушкуев.

— Проследи, чтобы на ушкуи нашили дополнительно по доске, так мы больше людей сможем поместить в каж-

* *Черемисы* — русское название народности марийцы.

дый ушкой, — советовал Прокопий. — Или харчей нагрузить побольше в Казани. Со строительством успеваете?

— Надеюсь, атаман, — ответил Онуфрий уклончиво. — Половина почти готова. Остальные уже заложены. Успеем! Время ты не меняешь?

— Пока нет, но вполне возможно и это, Онуфрий.

— Тогда можно быть спокойными, — удовлетворённо ответил Онуфрий.

— Не забудь для коней место приспособить, — напомнил Прокопий. — Помнишь, на сколько коней?

— Помню, атаман. Уже строим. Через две недели можно принимать.

За три дня до назначенного срока Прокопий вновь собрал атаманов на совет. Мрачные атаманы сопели, чесали бороды — ждали начала. Прокопий сел на лавку во главе стола, оглядел всех.

— Нет Онуфрия, но и без него решим. Пусть занимается лодьями. Ну, Фёдор, что у нас с провиантом? Готов караван в дорогу?

— Завтра прошу посмотреть, атаман. Думку имею, что успею.

— Федул, сколько набралось народа? Считал?

— Сотники сегодня доложили, что ещё сотни четыре надо добрать, — ответил Федул. — Если не успеем, атаман, что делать?

— Ждать не будем. Времени на такое у нас нет. Выступим без них. Да ещё три дня, а народ подходит. А теперь слушайте мой план похода. Войско делим на две половины. Идём двумя реками. Большая часть под моим началом идёт Вяткой, как и все остальные. Меньшая часть под началом Федула сворачивает в речку Шошму. Идёте как сможете дальше. Потом волоком перетаскиваете лодки в Казанку, спускаетесь к самой Казани. По пути громите аулы и деревни. Забираете всё ценное и спешите к Казани.